

DOI: 10.12731/2218-7405-2013-10-26

УДК 94

НОВЫЕ СПОСОБЫ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЗАПАДНЫХ РОССИЕВЕДОВ

Трубникова Н.В.

В статье анализируются новые тематические ракурсы, сложившиеся в западной историографии Великой отечественной войны. Анализ производится на основе материалов французской научной периодики 2001–2013 гг. Исторические изыскания современных западных россиеведов стремятся заполнить исследовательские лакуны и сформировать новые проблемные поля в изучении истории Восточного фронта Второй мировой войны. Эти исследования продолжают тенденцию второй половины 1990 – начала 2000-х гг., уводящих тематику советской истории от политизированных интерпретаций в духе теории тоталитаризма в идеологически нейтральное поле обновленной социальной истории. Новые векторы изучения включают в себя, на основе использования недавно открывшихся архивных фондов, «контекстное» изучение предвоенных и послевоенных событий международной политики, связанных с деятельностью советского режима, включая болезненные вопросы геополитической экспансии СССР в Восточной Европе; исследование статуса различных социальных (этнических, гендерных, религиозных) групп населения в войне и в процессе «выхода из войны»; стратегий управления, военных репрессий и «чисток», идеологического воздействия на население, применяемых сталинским руководством.

Цель: раскрыть направления развития современного западного россиеведения в области истории Великой Отечественной войны.

Метод или методология проведения работы: проблемно–историографический.

Результаты: определены новейшие тематические области и методологические приемы исследований западными русистами Великой Отечественной войны.

Область применения результатов: научно–педагогическая деятельность в области преподавания и исследований истории России.

Ключевые слова: россиеведение; историография, Великая отечественная война, французская научная периодика.

NEW PROBLEMATIZATION WAYS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR HISTORY IN WESTERN RUSSIAN STUDIES

Trubnikova N.V.

The article examines the new thematic perspectives prevailing in Western historiography of the Great Patriotic War. The analysis is implemented on the basis of the French scientific periodicals of 2001–2013 years. Historical survey of contemporary Russian Studies seeking to fill research gaps and form a new problem fields in the study of the World War II Eastern Front history. These studies continue the trend of the second half of 1990 – the beginning of the 2000s, which withdraw themes of Soviet history from politicized totalitarian interpretations to ideologically neutral field of renewed social history. New vectors of study based on the use of newly opened archives hold a "context" study of pre–war and post–war international political events related to the activities of the Soviet regime, including sensitive issues of the Soviet Union geopolitical expansion in Eastern Europe; the survey of different social (ethnic, gender, religious) groups in the war and in the " out of the war " process; Stalins's strategies of management, military repression, " purges " and ideological influence on the population.

Purpose: To reveal the areas of contemporary Western Russian Studies research in the history of the Great Patriotic War.

Methodology : problem historiography.

Results: the newest thematic areas of research and methodological techniques of WWII Western Russian studies are identified.

Practical implications: research and teaching activities in the field of the Russian history.

Keywords: Russian studies, historiography, the Great Patriotic War, the French scientific periodicals.

За последние десятилетия исследовательский ландшафт западного руссиеведения претерпел существенные изменения, пройдя путь от доминирующих теорий тоталитаризма к практикам обновленной социальной истории, базирующейся на идеях социального конструктивизма и интеракциях индивида и социальной системы [25]. В русле развития социальной истории новый, в значительной степени деидеологизированный ракурс восприятия сформировался и в отношении Великой Отечественной войны СССР. На материалах ведущего издания французской русистики “Cahiers du Monde Russe”, среди которых представлены и материалы нескольких российских авторов (что свидетельствует о значительной интернационализации пространства исследований мирового руссиеведения по сравнению с предшествующим периодом), будут показаны основные способы проблематизации этого тематического поля.

Обновление исследовательской базы текущего периода во многом было связано с открытием советских архивов, ранее недоступных, которые предлагают широкий материал для исследования повседневной жизни и поведения гражданских лиц в тылу и на фронте, восприятия войны в индивидуальном и массовом сознании советских людей, судеб фронтовиков, гендерных аспектов тяжелейшего опыта Великой Отечественной войны.

Тематические выпуски 2008 года «Выход из войны. СССР после Великой Отечественной войны» и 2011 г. «Советский Союз и вторая мировая война» позволяют подытожить эти новые тенденции.

Выпуск 2008 года организован вокруг двух тематических осей: феномена сталинских «чисток» и ближайших последствий «выхода из войны». Понимание влияния окончания войны на формирование «мирных укладов» социокультурного порядка, новых границ и идеологических переопределений, что отчасти попадает в общий сравнительный формат послевоенного европейского переустройства 1940–х гг., является центральной идеей сборника.

Тема выхода Европы из Второй мировой войны, вопросы демобилизации, культурной и материальной реконструкции европейских сообществ были рассмотрены западной историографией достаточно подробно, тогда как «русский пример» и тема восточного фронта вообще рассматривались только в контексте военных действий и тягот самой войны для населения. Толчком к обновлению тематики, как уже было сказано, стало открытие советских архивов, позволяющее перенести исследовательские акценты на крупные миграционные процессы эвакуации и реэвакуации, вызванные войной, на проблемы адаптации к жизни в послевоенном обществе ветеранов и, особенно, инвалидов войны.

Особую тему выпуска представляет освобождение оккупированных территорий, со всеми проблемами последующего управления ими, включая оценку людских и материальных потерь, выявление «предателей Родины», управление возвращающимся населением на фоне продолжающейся войны, что требовало, по оценкам исследователей, исключительных усилий по реконструкции Советской власти.

Процессы послевоенной мобилизации на западных окраинах СССР, не слишком лояльных к победившему режиму, были крайне осложнены управлением перемещающимися потоками военных и гражданских лиц, на

фоне начинающейся «холодной войны». В этом исследовательском русле, «выход СССР из войны не окончанием «сам по себе». Вопрос о «чистках» возникает из самой оккупации, и борьбы с «предателями Родины» разворачивается еще перед освобождением под руководством партизанского движения, принимая, по сути, характер гражданской войны, как показано в статье М. Церович. Тем не менее, это движение вписывается и в логику сталинских репрессий 1930–х годов, уже сформировавших подходящую риторику, документальную базу и навыки судебной практики[2].

Продолжая тему управления аннексированными территориями, В. Вуазен и С. Кудряшов показывают, что репрессии были одним из основных инструментов внедрения советской власти, а Дж.Денис анализирует процессы «чисток» как основной способ взять под контроль часто враждебное население стран Латвии. С момента освобождения Латвии войска НКВД, ответственные за безопасность тыла Красной Армии, проводили аресты групп диверсантов, национальной гвардии, созданной немцами, и физических лиц, деятельность которых квалифицирована как «немецко-фашистская». Советские власти также стремились вовлечь все население в осуждение преступлений оккупантов и их пособников через создание Чрезвычайной государственной комиссии, сформированной ради демонстрации коллективной поддержки нового режима. С весны 1945 года образ коллаборациониста затмевает личина националистического буржуазного злодея, ведущего подрывную вооруженную борьбу против советской власти [10; 3].

О. Мертельсманн и Э. Рахи–Тамм исследуют репрессивную компанию советской власти в Эстонии в 1944–1945 гг. Подобно положению дел в Латвии, репрессии вначале осуществлялись против тех, кто сотрудничал с немцами, позднее распространились на «буржуазных националистов». И все же проблемы кадров, контроля, определения категорий врагов, с которыми сталкивалась советская власть, заставляли ее двигаться по пути компромисса, сочетая чистки с процессами реконструкции и амнистии. С другой стороны, громкие судебные

процессы над сотрудниками немецкого оккупационного режима играли важную роль в деле формирования культурной памяти и социальной реконструкции по советскому образцу[11].

Т. Пентер анализирует, как организация и влияние судебного разбирательства над коллаборационистами затрагивало сотни тысяч советских граждан. Ведь за каждым судебным процессом стояли индивидуальные ситуации, в которые вовлекались миллионы советских людей, впоследствии признанных виновными[15].

В этой связи И. Говоров в своей статье делает постановку еще не признанной проблемы анализа, с опорой на данные архивов, фильтрационных лагерей и практик репатриации в СССР периода освобождения миллионов мирных жителей и военнопленных[23]. □

На примере одного из районов Ленинградской области Н. Муан рассматривает проблемы послевоенной реконструкции, выявляя невероятную сложность этой задачи с учетом человеческих и материальных потерь. В статье описывается ужасающий опыт фашистской оккупации для сельского населения, который закончился физическим уничтожением большинства деревень в период отступления осенью 1943 года. Исследуя меры оказания помощи районных властей пострадавшим селянам, автор реконструирует процесс создания списков наиболее пострадавших граждан, первоначально разделенных на предателей и сторонников партизанского движения. Далее приоритет отдавался семьям участников войны, а также людям, потерявшим дом, скот и другие виды собственности. Наиболее пострадавшим «жертвам оккупации» удается воспользоваться приоритетным правом на единовременную материальную помощь, временное освобождение от налога, ссуду на строительство. При этом источники показывают, что строительство новой иерархии получателей поддержки от государства нарушается в силу размаха общей бедности, веса межличностных знакомств и нехватки имеющихся ресурсов[13].

Б. Фислер исследует послевоенное положение инвалидов Великой Отечественной войны. Советская пресса военного периода заявляла о несомненной и значительной поддержке, которую получать инвалиды, вернувшиеся с полей сражений. В 1942–1943 годах число инвалидов войны резко возросло и процент серьезно травмированных фронтовиков, которые были не в состоянии работать, было особенно высоким (54%). Советская социальная политика предполагала, что возвращение на работу было наилучшим средством для физической реабилитации и «выхода» из состояния инвалидности, и с этой целью была открыта сеть специализированных домов где наиболее травмированные ветераны могли получить необходимое медицинское обслуживание и новую профессию. В действительности, в дома для инвалидов войны попадали лишь одинокие ветераны, и пользовались крайней непопулярностью среди инвалидов войны. На основе архивных документов в статье описываются ужасные условия жизни (голод, грязь, уныние, административный произвол) в этих местах, которые привели многих раненых солдат на путь спекуляции или попрошайничества[5].

Продолжая последнюю тему, Е. Зубкова анализирует проблему попрошайничества в послевоенном СССР, его причины, количественную и социальную структуру общества нищих, которая включала в себя как инвалидов войны, так и беспризорных детей. Реакции как центральных и локальных властей, так и обычных граждан были двойственными и противоречивыми: от «зачисток» до социальной помощи или благотворительности. Лишь закон о социальных «паразитах» 1961 года закончил десятилетие попыток урегулировать проблему попрошайничества[24].

Ситуации колебаний между благотворительностью и репрессиями, как отмечают авторы, наблюдаются во всех направлениях социальной политики послевоенных советских властей: с одной стороны, великая победа была (и оценивалась) как момент триумфа Советского Союза, подтверждающая и легитимирующая всю сталинскую модель социализма, с другой стороны,

послевоенный период выявлял катастрофическую глубину социальных проблем, связанных с нехваткой людских, материальных и идеологических ресурсов. Эту непоследовательность выявляет и статья Л. Смиловицкого о восстановлении еврейских общин в Беларуси после Холокоста. Поначалу отмечается процесс религиозного возрождения среди советских евреев, переживших Холокост, которые пытаются найти свое место в новой религиозной политике СССР. Однако после 1948 года советская власть делает очевидный антисемитский крен и встает на путь репрессий [18].

К. Гусефф анализирует процесс взаимного перемещения населения (более 1 млн. человек поляков и украинцев) между Польшей в СССР, вызванный изменением польско–советской границы с сентября 1944 года. Несбывшейся целью этих обменов было снижение остроты жестоких этнических конфликтов в пограничной области. Автор стремится воссоздать планы, ожидания и повседневные практики украинских советских чиновников в Польше, занятых организацией пересылки этнических меньшинств [7].

Представленный тематический разворот демонстрирует многогранную сложность «выхода из войны» – установления границ, социального переустройства, нового идеологического и культурного самоопределения, – тех проблем, с которыми столкнулся СССР во второй половине 1940–х–годов.

Выпуск 2011 года «Советский Союз и вторая мировая война», по словам А. Блюма, преследует цель представить новые подходы, разработанные за последние два десятилетия на основе новых доступных источников, которые анализируют участие СССР во Второй мировой войне. Среди новых, не проблематизированных ранее тем, мирное население в период войны, биографии фронтовиков, народные представления о войне, военная конверсия советской системы, гендерные отношения военных лет [1].

О. Хлевнюк в качестве тематической преамбулы представил обзор эволюции сталинской диктатуры периода второй мировой войны, последовательно прослеживая основные тенденции в структурной

реорганизации власти, специфическую роль Сталина и его окружения в переводе политического управления на «военные рельсы». Актуальные исследования недавно введенных в научный оборот советских архивов и их потенциальная ценность дают новые возможности для выявления новых ракурсов сложных проблем начала германо–советского конфликта: внутренних и внешних последствий короткого союзничества между Германией и СССР эпохи пакта Молотова–Риббентропа, стратегий территориальных аннексий и вопросов национальной политики на ранних стадиях германо–советского конфликта[26].

С. Дюлен анализирует ориентации сталинской политики в широком контексте международной политики 1939–1941 гг., усматривая суть ее противоречивых парадигм действия и «фигур умолчания» в отсутствии сбалансированных коллективных позиций и «расколотого видения» конфликта в оценке политической агрессии и способов ее умиротворения[4].

Сходным образом С. Плохий рассматривает, каким образом тема этнических меньшинств развивалась в советско–германских переговорах, предшествующих подписанию Договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 года и контекст использования национальной карты в советской внутренней пропаганде, одновременно прослеживая и обратную реакцию советской общественности на изменения политики государства в национальном вопросе. Изменение национальной риторики в отношении фашизма в первые недели войны помогла режиму завоевать поддержку ранее враждебных слоев общества как в Советском Союзе, так за рубежом, которая не подчинялась логике тоталитарного режима, основанной на категориях подчинения или сопротивления[17].

Ц. Хасэгава устанавливает связь между европейским и азиатским театрами как военных, так и дипломатических действий, изучая специфику взаимодействия СССР и Японии в годы Второй мировой войны. Автор показывает, как азиатский фронт стал объектом конкуренции экспансионистских планов Советского Союза и Соединенных Штатов

Америки[9].

Д. Вольф в своей статье исследует динамику образования границ в Восточной Европе, на Кавказе, в Центральной и Восточной Азии, чтобы показать, как реализовывались стратегические интересы Сталина в послевоенном мире. Автор резюмирует, что Сталин лично руководил всеми операциями по границе, реализуя не только цели территориальной экспансии, но ряд других, связанных с вопросами национальной безопасности и геополитики в самом широком смысле: от получения выхода в Средиземное море и обеспечения дополнительных резервов азербайджанской нефти до срыва геополитических стратегий других «великих держав» через разжигание территориальных разногласий и реваншистских националистических движений[21].

Особую тему в номере образует повседневная жизнь оккупированных территорий восточного фронта. Й. Горлицкий рассматривает деятельность региональных партийных комитетов внутренних дел в условиях чрезвычайной системы управления, введенной в первые же месяцы войны. Исследователь приходит к выводу, что представители чрезвычайной системы военного управления часто не могли договориться с региональными первыми секретарями, которые пользовались поддержкой местного населения. С другой стороны, региональные комитеты партии часто были не в состоянии выполнить полномочия по управлению индустриальной экономикой, вместо свойственных им идеологических функций[6].

В. Вуазен по материалам «партийных чисток» военного времени отслеживает эволюцию критериев, которые формировал понятие «хороший коммунист». Если в 1930–х годах такую оценку определяло социальное происхождение и политическое прошлое, то во время войны все большее значение уделяется личности коммуниста. Полного единства критериев осуждения, отстранения от должности или восстановления в правах в механизме «партийных чисток» не было. Одни и те же обвинения иногда

вызывали общественное порицание, а иногда – судебное преследование. При всем том эволюция ценностных критериев, формирующих идеал коммуниста продемонстрировала возврат к исконным качествам революционера-большевика – боевому духу и готовности к самопожертвованию во имя общего дела, подтверждая новый метод оценки коммунистов через тщательную оценку их внутренней совести, проверяемой результатами их действий, которая была одновременно мерилom искренности и преданности партии[20].

С. Грачева изучает политику судебного преследования политических подрывных речей, квалифицируемых как «контрреволюционная пропаганда и агитация». В годы войны отмечен рост числа судебных разбирательств по этой статье, которая отражает, прежде всего, негативное общественное восприятие огромных военных потерь СССР в первые годы войны. Советская административная система, опасаясь народного восстания, пыталась обрести непростой баланс между необходимостью вынесения тяжелых форм наказания и боязнью чрезмерной суровости по отношению к гражданскому населению, которая могла поколебать боевой дух красноармейцев. В связи с этим региональным судам было сделано предписание оценивать преступление с учетом его «социальной опасности», исходя от личности обвиняемого, а не тяжести содеянного[8].

Э.М. Тасар исследует проблемы восприятия конца второй мировой войны в Центральной Азии сквозь призму ожидаемой встречи ислама и советской власти. Азиатское население СССР верило, что получит новое поле реализации своих религиозных потребностей в рамках послевоенного советского социума, и эти ожидания не оправдались после «конфискованной победы» и возвращения к довоенному уровню социально-политического контроля[19].

Третий тематический выбор сборника – феномен социокультурных трансформаций военного времени. О. Будницкий рассуждает об изменении гендерных ролей на фронте, какими они были восприняты и описаны в дневниках фронтовиков. Эти записи позволяют реконструировать своего рода

«сексуальную революцию», приведшую, по словам Алена Блюма, «к временному освобождению или новой форме рабства» женщин на фронте. Изменения, которые отразились на морали, были связаны с потрясениями войны, которая привела к разрушению традиционного образа жизни и общепринятых правил поведения[22].

В продолжение темы М. Накаши анализирует, как романтические или сексуальные отношения между женщинами и мужчинами развивались во время войны, как они повлияли на формирование послевоенных браков, и как советское правительство пыталось воздействовать на этот процесс. Если в послевоенных Англии и Соединенных Штатах Америки политические и религиозные лидеры часто осуждали сексуальные практики, которые образовались в ходе войны и призывали к возвращению в традиционные браки, то советское правительство фактически способствовало продолжению «военно-полевых романов» в послевоенный период в связи с важнейшими для него проблемами рождаемости. Этот послевоенный опыт производит иной путь женского движения освобождения для советских женщин, чем для женщин на Западе[14].

Статья Н. Муан позволяет на основе новых возможностей архивов анализировать примеры и уровни насилия фашизма против мирного населения на восточном фронте, а также их отражение в официальном советском дискурсе. Автор рассматривает массовые поджоги деревень в Восточной Европе и трагическую судьбу их жителей на оккупированной советской территории как тяжелейшее событие, воспринимавшееся советским сознанием как самое страшное преступление фашизма, в то время как целенаправленный геноцид евреев в этих же регионах оставался в тени. Контраст между воспоминаниями о советских еврейских и нееврейских жертвах стал особенно острым в 1960–х годах, когда новый памятник Хатыни под Минском, посвященный памяти сожженных белорусских деревень, стал настоящим местом паломничества для большинства населения СССР, в то время как Бабий

Яр в Киеве – овраг под Киевом, где погибли многие тысячи советских евреев, – был выбран под бурные споры местом строительства памятника памяти в целом жертв нацистских массовых убийств гораздо позднее. Эта статья призвана показать, как тема сгоревших деревень стала частью официальной идеологии в самом начале войны и конкурировала с повествованиями о массовых убийствах советских евреев, хотя в конце войны в сотрудничестве советской судебной системы с западными союзниками по преследованию военных преступников согласно сделанным запросам в течение нескольких месяцев более явным был дискурс о конкретном положении советских евреев. Перечень нацистских зверств, опубликованный в течение первых недель после вторжения, стал началом продолжительной темы официального дискурса о неслыханном военном насилии в отношении гражданских лиц. Еще до того, как оккупанты перешли к политике массовой «мертвой зоны», советские комиссии начали работу расследования по показаниям выживших и составление списков с именами жертв. Послевоенные суды в Нюрнберге и Советском Союзе дали сталинскому руководству возможность применить новое юридическое понятие преступления против человечности к различным категориям советских жертв оккупации[12].

Сбор и анализ свидетельств «актеров» или «жертв» фашизма является одним из новых подходов к военному периоду. Т. Пентер и Д. Титаренко представляют результаты проекта «устной истории», осуществляемого в 2001–2010 гг. в Донбассе. Целью интервью было не просто восстановление хронологической последовательности событий 22 месяцев немецкой оккупации, но рассмотрение их в общем контексте жизни респондента, включая его предвоенный и послевоенный опыт. Особое внимание уделялось повседневному опыту взаимодействия с фашистским режимом, изображениям немцев в целом, а также сравнительной оценке преступлений обоих (сталинского и фашистского) режимов. Показано, что если советская пропаганда и историография изображала противника как бесчеловечную

репрессивную машину, то в индивидуальных повествованиях вспоминаются истории о существовании различных человеческих чувств между оккупантами и представителями оккупированного населения, включая ненависть, дружбу, а иногда даже любовь. Согласно некоторым интервью, прослеживается некоторая «рефигурация памяти», в которой сохраняются более позитивные, чем ранее, оценки периода оккупации, что резко контрастирует с величиной немецких преступлений и человеческих жертв в Донбассе[16].

Таким образом, аналитика современных западных российских исследователей преследует цель заполнить «исследовательские лакуны» и сформировать новые проблемные поля в изучении истории Восточного фронта Второй мировой войны. Эти исследования продолжают тенденцию второй половины 1990 – начала 2000–х гг., уводящих тематику советской истории от политизированных интерпретаций в духе теории тоталитаризма в идеологически нейтральное поле социальной истории. Новые ракурсы включают в себя, на основе недавно открывшихся архивных фондов, «контекстное» изучение предвоенных и послевоенных событий международной политики, связанных с деятельностью советского режима, включая болезненные вопросы геополитической экспансии СССР в Восточной Европе; исследование статуса различных социальных (этнических, гендерных, религиозных) групп населения в войне и в процессе «выхода» из нее; стратегий управления, военных репрессий и «чисток», идеологического воздействия на население, применяемых сталинским руководством. За гранью рассмотрения остаются еще многие вопросы, ответ на которые позволит сформировать более полное видение самого трагического и массового конфликта мировой истории.

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 12-06-33018 мол-а-вед (руководитель)

Список литературы

1. Blum A. Preface // Cahiers du monde russe. – 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 199–203.
2. Cerovic M. “Au chien, une morte de chien”. Les partisans face aux “traîtres à la Patrie” // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Vol. 49. – № 2–3. – P. 239–262.
3. Denis J. Identifier les “éléments ennemis” en Lettonie. Une priorité dans le processus de resoviétisation (1942–1945) // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Vol. 49. – № 2–3. – P. 297–318.
4. Dullin S. How to wage warfare without going to war? Stalin's 1939 war in the light of other contemporary aggressions // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 221–243.
5. Fieseler B. "La protection sociale totale". Les hospices pour grands mutilés de guerre dans l'Union soviétique des années 1940 // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Vol. 49. – № 2–3. – P. 419–440.
6. Gorlizki Y. Governing the interior. Extraordinary forms of rule and the regional party apparatus in the Second World War // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 321–339.
7. Gousseff C. La Genèse des transferts de populations dans les territoires libérés. L'évacuation « volontaire » des Ukrainiens de Pologne vers l'URSS (septembre 1944–juin 1945) // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Vol. 49. – № 2–3. – P. 515–536.
8. Grachova S. "Counter–revolutionary agitation" in the Soviet Union during the Great Patriotic war. The politics of legal prosecution // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 373–386.
9. Hasegawa T. Soviet police toward japan during World War II // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 245–271.
10. Kudryashov S., Voisin V. The early stages of “legal purges” in Soviet Russia (1941–1945) // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Vol. 49. – № 2–3. – P. 263– 296.

11. Mertelsmann O., Rahi–Tamm A. Cleansing and compromise. The Estonian SSR in 1944–1945 // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Vol. 49. – № 2–3. – P. 319–340.

12. Moine N. Defining "war crimes against humanity" in the Soviet Union. Nazi arson of Soviet villages and the Soviet narrative on Jewish and non–Jewish Soviet war victims, 1941–1947 // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 441–473.

13. Moine N. Expérience de guerre, hiérarchie des victimes et justice sociale à la soviétique // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Vol. 49. – № 2–3. – P. 383–418.

14. Nakachi M. A postwar sexual liberation? The gendered experience of the Soviet Union's Great Patriotic War // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 423–440.

15. Penter T. Local collaboration on trial. Soviet war crimes trials under Stalin (1943–1953) // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Vol. 49. – № 2–3. – P. 341–364.

16. Penter T., Titarenko D. Local memory on war, german occupation and postwar years. An oral history project in the Donbass // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 475–497.

17. Plokhly S. The call of blood. Government propaganda and public response to the Soviet entry into World War II // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 293–319.

18. Smilovitsky L. Jews under soviet rule. Attempts by religious communities to renew Jewish life during the postwar reconstruction period The case of Belorussia, 1944–1953 // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Vol. 49. – № 2–3. – P. 441–474.

19. Tasar E.M. Islamically informed soviet patriotism in postwar Kyrgyzstan // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 387–404.

20. Voisin V. Caught between war repression and party purge. The loyalty of Kalinin Party members put to the test of the Second World War // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 341–371.

21. Wolf D. Stalin's postwar border–making tactics // Cahiers du monde

russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 273–291.

22. Будницкий О. Мужчины и женщины в Красной Армии (1941–1945) // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 405–422.

23. Говоров И. Фильрация советских репатриантов в 40–е гг. XX в.: цели, методы и итоги // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Vol. 49. – № 2–3. – P. 365–382.

24. Зубкова Е. С протянутой рукой: нищие и нищенство в послевоенном СССР // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Vol. 49. – № 2–3. – P. 475–514.

25. Трубникова Н.В. На закате теорий тоталитаризма: французская историография о России // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под редакцией Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 1520 с. С. 816–843

26. Хлевнюк О. Сталин на войне. Источники и их интерпретация // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 205–219.

References

1. Blum A. Preface // Cahiers du monde russe. – 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 199–203.

2. Cerovic M. “Au chien, une morte de chien”. Les partisans face aux “traîtres à la Patrie” // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Vol. 49. – № 2–3. – P. 239–262.

3. Denis J. Identifier les “éléments ennemis” en Lettonie. Une priorité dans le processus de resoviétisation (1942–1945) // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Vol. 49. – № 2–3. – P. 297–318.

4. Dullin S. How to wage warfare without going to war? Stalin's 1939 war in the light of other contemporary aggressions // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 221–243.

5. Fieseler B. "La protection sociale totale". Les hospices pour grands mutilés de guerre dans l'Union soviétique des années 1940 // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Vol. 49. – № 2–3. – P. 419–440.

6. Gorlizki Y. Governing the interior. Extraordinary forms of rule and the regional party apparatus in the Second World War // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 321–339.

7. Gousseff C. La Genèse des transferts de populations dans les territoires libérés. L'évacuation « volontaire » des Ukrainiens de Pologne vers l'URSS (septembre 1944–juin 1945) // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Vol. 49. – № 2–3. – P. 515–536.

8. Gracheva S. "Counter–revolutionary agitation" in the Soviet Union during the Great Patriotic war. The politics of legal prosecution // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 373–386.

9. Hasegawa T. Soviet police toward Japan during World War II // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 245–271.

10. Kudryashov S., Voisin V. The early stages of “legal purges” in Soviet Russia (1941–1945) // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Vol. 49. – № 2–3. – P. 263– 296.

11. Mertelsmann O., Rahi–Tamm A. Cleansing and compromise. The Estonian SSR in 1944–1945 // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Vol. 49. – № 2–3. – P. 319–340.

12. Moine N. Defining "war crimes against humanity" in the Soviet Union. Nazi arson of Soviet villages and the Soviet narrative on Jewish and non–Jewish Soviet war victims, 1941–1947 // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 441–473.

13. Moine N. Expérience de guerre, hiérarchie des victimes et justice sociale à la soviétique // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Vol. 49. – № 2–3. – P. 383–418.

14. Nakachi M. A postwar sexual liberation? The gendered experience of the Soviet Union's Great Patriotic War // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 423–440.

15. Penter T. Local collaboration on trial. Soviet war crimes trials under Stalin (1943–1953) // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Vol. 49. – № 2–3. – P. 341–364.

16. Penter T., Titarenko D. Local memory on war, german occupation and postwar years. An oral history project in the Donbass // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 475–497.

17. Plokhy S. The call of blood. Government propaganda and public response to the Soviet entry into World War II // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 293–319.

18. Smilovitsky L. Jews under soviet rule. Attempts by religious communities to renew Jewish life during the postwar reconstruction period The case of Belorussia, 1944–1953 // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Vol. 49. – № 2–3. – P. 441–474.

19. Tasar E.M. Islamically informed soviet patriotism in postwar Kyrgyzstan // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 387–404.

20. Voisin V. Caught between war repression and party purge. The loyalty of Kalinin Party members put to the test of the Second World War // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 341–371.

21. Wolf D. Stalin's postwar border-making tactics // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 273–291.

22. Budnitski O. Mujchiny i zhenchiny v Krasnoy Armii (1941–1945) // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 405–422.

23. Govorov I. Filtratsiya sovetskih repatriantov v v 40–e gg. XX v.: tseli, metody i itogi // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Vol. 49. – № 2–3. – P. 365–382.

24. Zubkova E. S protyanutoy rukoy: nishie i nishenstvo v poslevoennom SSSR // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Vol. 49. – № 2–3. – P. 475–514.

25. Trubnikova N.V. Na zakate teory totalitarizma: frantsuzskaya istoriografiya o Rossii // Mezhdru kanunami. Istoricheskie issledovaniya v Rossii za poslednie 25 let. / Pod redaktsiey G.A. Bordugova. – M.: AIRO–XXI, 2013. – 1520 s. S. 816–843.

26. Hlevnuk O. Stalin na voyne. Istochniki i ih interpretatsia // Cahiers du monde russe.– 2011. – Vol. 52 – №2–3. – P. 205–219.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Трубникова Наталья Валерьевна, доктор исторических наук, доцент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

проспект Ленина, 30, г. Томск, Россия

nattrub@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Trubnikova Natalia Valerievna, PhD in History, associate professor

National Research Tomsk Polytechnic University

30, Lenin, Tomsk, Russia

nattrub@gmail.com